

И не успел он это сказать, как тут же появилось перед ним все, о чем он просил. И наш бретонец спрятал книжку в карман и набросился на еду. И так он наелся и напился, что едва-едва держался на ногах. А когда его трапеза закончилась, он пошел прочь со своей книжечкой, весело напевая:

— А я нашел еду и питье!

— Ну-ка поторапливайся, — кричат ему, — и где это ты застрял?

А он знай себе напевает:

— А я нашел еду и питье!

— Скорее скажи, — закричали остальные, — где ты столько всего нашел?

— Вон в той хижине, крытой соломой, — ответил он. — Вот если бы вы так же хорошо искали, как я, то нашли бы сами. Дураки вы все, вас пока мордой не ткнешь, ничего не найдете. А я вот уже свой мешок набил и еще унесу еды, если смогу.

Матросы опечалились, когда увидели все, о чем говорил бретонец. Но, как ни вертись, они ничего не могли сказать против: у него в руках был хлеб, а сам он был изрядно навеселе.

Первое, что у них спросили, когда все они вернулись на корабль, было: «Что вы нашли на берегу?»

— Ничего мы не нашли, — ответили они, — только он один задержался там, на середине острова, и нашел то, что мы все искали, а найти не смогли. Он и наелся и напился, так что пришел полупьяный.

Когда оставшиеся на корабле это услышали, то двое или трое из них пошли и доложили обо всем капитану.

Позвали бретонца, и он рассказал, что наелся до отвала всяких вкусных вещей и сделает это еще раз, как только захочет. Но он никому не сказал, как он это делает, он ведь был не дурак.

— И не стыдно тебе? — спросил его капитан. — Остальные будут за тобой приглядывать.

— Хорошо, — отвечал матрос, — но только, если я захочу, и у всех у них будет и еды и питья столько же, сколько было у нас, когда мы отплывали из Бретани. Но только сделаю я это при одном условии: если вы меня отпустите домой.

— Так я и сделаю, — ответил капитан, — если ты наполнишь корабль всем, что нам необходимо.